

В моей прошлой жизни был случай, когда из-за того, что я был новичком в ассасинском деле, меня поймали. Хотя это не то, чем я горжусь, и предпочел бы не упоминать об этом потенциальным клиентам, казусы случались время от времени. Это длинная история, которую я не буду тебе сейчас утомлять; если коротко, то меня ранили в живот, и на этом все закончилось.

Я думал, что это самая страшная боль, которую я когда-либо испытывал, и это при том, что я несколько раз случайно отравился (о, я был в порядке, я выработал иммунитет за эти годы). Это было чрезвычайно больно. Да, самая сильная боль, которую я испытал.

До этого момента.

Я находился в пещере, которая казалась мне пещерой или была достаточно влажной, чтобы быть таковой. Я лежал на земле и почти ничего не видел, так как у меня были завязаны глаза. Несмотря на боль, впивающуюся когтями в мое тело, я был совершенно спокоен, хотя и беспокоился о том, что могу впасть в шок. Это действительно было больно, и теперь, когда я думаю об этом, хуже, чем тот шквал пуль, который я получил, когда умер. Хм. Я и забыл об этом.

Мне очень хотелось кричать, ругаться, ударить что-нибудь. Я терпел боль как мог, перечисляя в голове яды и химические формулы. Это было... довольно трудно. Моя способность к концентрации была доведена до предела. Когда в тебя запихивают гигантскую черепахообразную массу чакры, это не очень приятный опыт.

Внезапно боль отступила, превратившись в пульсирующее ощущение тепла в животе и груди. Я колебался в бессознательном состоянии, пытаюсь удержать себя над темной ямой, чтобы не заснуть, потому что у меня было чувство, что если я потеряю сознание, то уже не смогу его вернуть. В этом-то все и дело. Это тело было маленьким. Слабым. В нем почти не было запасов чакры. Кроме того, печать, которую сделали эти люди, была ужасной. Абсолютно ужасной. Я чувствовал, как черепаха напрягается, дрожит, дергает за ослабленные узы, готовая вырваться в любой момент. Как бы это ни было раздражающе, в этом был смысл. Поскольку по их плану эта тварь должна была сойти с ума, как только я вернусь в деревню, не было смысла делать нормальную печать.

А именно это и должно было меня убить.

Только с запечатыванием я был наполовину мертв. Я бы не пережил гигантскую черепаху чакры, рвущуюся из меня. Эта мысль немного разозлила меня. Смерть не так уж сильно беспокоила меня, поскольку я уже делал это и ожидал, что меня встретят в аду, но вот что бесило меня до крайности, так это мысль о том, что я умру ради плана этих ублюдков. Кем, черт возьми, они себя возомнили, используя меня подобным образом? Нелепо.

Я услышал движение вокруг себя, легкие шаги эхом разносились по пещере. На какое-то время наступила абсолютная тишина, затем чья-то рука схватила меня за плечо, потрясла, а другая сорвала повязку с глаз. Я уставился на Какаши, который стоял на одном колене рядом со мной,

выглядел совершенно запаниковавшим и довольно растерянным. Его лицо в маске и светлые волосы вырисовывались во мраке.

"Томоз?" Кажется, я никогда в жизни не слышал, чтобы кто-то звучал так потрясенно.

"О, привет, Бакаши". сказал я. Мое зрение затуманилось. Теперь перед моими глазами колыхались два Какаши. "Извини, ты ждал кого-то другого?" Я подтолкнул себя к сидячему положению. Мои руки дрожали, а голова подалась вперед, так как мне не хватало сил удержать ее.

"Я думал... Рин..." Он опустил лицо на руки, тяжело дыша.

"Возможно, тебе стоит успокоиться. У тебя будет гипервентиляция". заметил я. Я поднял свою окровавленную рубашку и увидел вырезанный круглый узор на животе. В центре был кандзи, означающий "печать", несколько концентрических кругов нечитаемого шрифта и девять линий, расходящихся от центра. Он был довольно уродливым и обильно кровоточил. Какаши, слегка оправившись от шока, что не застал Рин в таком положении, увидел печать, и его глаза расширились.

"Что они сделали?"

"Они запихнули гигантскую массу чакры в форме черепахи в мой живот. Я полумертв из-за этого, и буду благодарен, если ты покинешь меня, пока она не вышла обратно и не закончила работу".

Ему потребовалось мгновение, чтобы осознать это. Его бровь поднялась. "Это шутка?" - спросил он низким тоном.

"Вовсе нет. Я бы не стал шутить на эту тему. А теперь любезно проводи себя. Я остаюсь здесь". Я лег обратно и скрестил руки под головой. Я не собирался возвращаться в Коноху. Я не позволял этому плану стать успешным. Если мне все равно предстояло умереть, то я постараюсь сделать это так, чтобы это было максимально неудобно для моих убийц.

Какаши, очевидно, думал иначе. После минутного пристального взгляда он поднял меня на руки, внимательно следя за моим израненным животом. Я была слишком слаба, чтобы отбиваться от него, поэтому остановилась на том, что убийственно смотрела на него.

"Что, по-твоему, ты делаешь, Бакаши?" кисло сказал я.

"Спасаю тебя".

Он выбежал из пещеры. Снаружи было темно и шел дождь. Он бежал по лесу, внимательно следя за опасностью.

"Спусти меня!" запротестовал я. Теперь я чувствовал себя немного сильнее, достаточно, чтобы попытаться пнуть его.

"У тебя есть желание умереть?" - спросил он.

"Нет, у меня есть смертный приговор, а теперь опусти меня на землю!" Он все портил! Никто не просил тебя спасти меня, Бакаши, я не твоя забота, я не Рин, так что иди уже домой! Такими темпами деревня...

"Какаши!" Ох, что уж говорить о...

"Рин?"

Она бежала через лес, ее одежда была растрепанной и промокшей. Она явно бежала сюда, причем без своего обычного рюкзака. Она пришла в спешке. Это было... крайне неожиданно. Какого черта она здесь делала? Неужели она бросилась спасти меня, как это сделал Какаши? Неужели она была настолько глупа, чего она могла надеяться добиться своим приходом? Вот идиотка! Почему все здесь были такими глупыми? Неужели никто больше не пользуется своей головой? Проклятые отродья!

"Что ты здесь делаешь?" спросил Какаши, остановившись. Рин поспешила к нам.

"Я слышала о похищении, с Томоэ-куном все в порядке? Подкрепление уже прибыло, но они опаздывают. Я бросилась сюда, как только узнала о... ." Ее глаза расширились, когда она увидела кровь, пропитавшую мою рубашку, мое ошеломленное выражение лица и хромящее тело. "Что, черт возьми, произошло?"

"Я думаю... нет, я уверен, они запечатали хвостатого зверя внутри Томоэ".

"Не может быть..." Ее руки прижались ко рту.

"Мы можем поговорить позже. Нас преследуют". мрачно сказал Какаши. Его взгляд быстро обежал темный лес. "Давай поторопимся".

"Точно", - кивнула она, ее рот сложился в решительную линию.

И они продолжили бежать. Мои силы понемногу возвращались, но я чувствовал, как чакра напрягается против уз, готовая вырваться наружу. Только теперь я изо всех сил старался сдерживать ее, используя те крохи чакры, которые у меня были. Почему? Даже я не был уверен. Наверное, у меня просто было чувство, что если я отпущу здесь, то эти двое могут оказаться в опасности... ох, какая нелепая мысль, неужели ты опустишь меня, ты... . Я прокрутил в голове серию английских оскорблений.

"Это бесполезно, они догоняют!" сказал Рин.

"Тч ... мы подходим к пролому в лесу. Это нехорошо, мы потеряем укрытие".

"И он слишком большой, чтобы обойти его..." Рин обдумал эту мысль. "Может, прорвемся?"

"Мы можем попробовать. Других вариантов нет. Если только я не буду держаться позади и не вступлю с ними в бой достаточно долго, чтобы ты смог увести Томоз".

"Никто никого не оставит позади, не после того, что случилось в прошлый раз...", - ее дыхание перехватило в горле, и она прикусила губу. ". . . Мы все вместе пойдем домой".

Какаши отвернулся, но я мог видеть его лицо. На нем было самое ужасное выражение вины и печали, которое я когда-либо видел на человеке.

"Почему..." Мне пришлось прочистить горло. Я закашлялся кровью. "Зачем ты зашел так далеко... глупый Бакаши. . ."

Он не ответил, поэтому за него это сделала Рин. Она улыбнулась своей невероятно яркой, доброй улыбкой и сказала: "Я ведь уже говорила тебе, не так ли? Ты - дитя Конохи. Ты - товарищ".

"Шиноби, нарушающий правила, - подонки", - сказал Какаши. "Но тот, кто бросает своих товарищей, хуже отбросов".

Теперь я понимал, почему они не могли просто бросить меня. Это сделало бы их хуже подонков. Это было бы предательством памяти Обито. Что бы ни случилось, эти двое больше никогда никого не оставят.

Меня бы не бросили. Они собирались защитить меня. Какая же это была нелепая, бессмысленная вещь. Я не был ребенком. Я убивал людей, приводил к падению режимов, краху компаний, доставлял несчетное количество людей такую ужасную боль, что они желали смерти; меня не стоило защищать. Я лгал с момента нашей встречи. И все же... и все же... Я прикусил губу, испытывая то ужасное чувство, сродни сожалениям, вине, то сжимающее сердце чувство, от которого хотелось разрыдаться. Почему, черт возьми?